

Сотник Юрий Ищу 'Троекурова' Рассказ

Я очень рано полюбил Пушкина. "Капитанскую дочку" и "Дубровского" я прочитал еще до того, как мы начали проходить их в школе. Я не боялся получить за них двойку, и, наверное, поэтому они так и остались для меня очень увлекательными приключенческими повестями. Из-за "Дубровского" я попал в историю, о которой стоит рассказать.

Начало этой повести я одолел с трудом: весь вечер пришлось бегать к маме и спрашивать, что такое "генерал-аншеф", "отъезжее поле", "штаб-лекарь", "стремянной"... К тому времени, когда я усвоил почти все эти непонятные слова, старик Дубровский умер, разоренный своим другом богатым самодуром Троекуровым. Молодой сын Дубровского Владимир сделался благородным разбойником - грозой всех богатеев округи. Тут мне уже стало трудно оторваться от книги. Мама раз пять прикрикнула на меня, прежде чем заставила улечься в постель. Но и здесь я продолжал читать, накрывшись с головой одеялом и светя на страницы карманным фонариком. Мама разоблачила этот маневр, призвала на помощь папу, и он так рявкнул на меня: "А ну, прекращай дурить!" - что пришлось расстаться с книгой до утра.

На следующий день было воскресенье, и я смог вернуться к "Дубровскому" сразу после завтрака. Чем больше я читал, тем больше мне хотелось походить на этого романтического героя. Иногда я даже отрывался от книги, подходил к зеркалу и взирал на свое отражение, сдвинув брови и оттопырив нижнюю губу, чтобы придать себе вид мрачный и решительный.

Вот молодой разбойник явился в усадьбу Троекурова под видом скромного француза-учителя... Вот Троекуров решил сыграть с мнимым французом свою любимую шутку: Дубровского втолкнули в комнату, где на длинной цепи расхаживал голодный медведь. Я прочел: "Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился. Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки".

Я опять оторвался от книги. Я вынул из ящика стола жестяной пистолет, зарядил его бумажным пистоном и, снова оттопырив губу, стал прохаживаться по комнате. Я высматривал, какой предмет из обстановки смог бы сойти за медведя. Пожалуй, лучше всего подходила для этой роли этажерка с книгами. Твердыми шагами я направился к ней, остановился и мысленно прикинул, где у моего "медведя" могло быть ухо, выстрелил в крайнюю книжку на верхней полке. Пистон попался сильный, бухнул громко. Мама вбежала в комнату:

- Алексей! Сколько раз тебя надо просить, чтобы ты не устраивал пальбу в квартире?! Надо же понимать, что у людей нервы есть!

А дальше в книге пошли эпизоды еще более восхитительные. Трусливый Антон Пафнутьевич, боясь разбойников, напросился спать в одной комнате с отважным "французом", а проснувшись под утро, увидел, что француз стоит над ним с пистолетом в руке:

"Молчать, или вы пропали. Я - Дубровский".

А вот еще лучше: "...Карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей:

- "Вы свободны, выходите".

И конечно, человек этот тоже был Дубровский.

Дочитав книгу, я прямо-таки забежал по комнате от возбуждения. В ту минуту я все бы отдал, только бы очутиться на месте Дубровского. И уж конечно, я не сваял бы такого дурака, как он: я не стал бы цацкаться с Троекуровым лишь потому, что он Машин отец. Я бы в первую очередь разделался с ним - затем с князем, а потом... а потом...

Тут я вспомнил, что я, увы, не Дубровский, и мне стало грустно. Однако в следующую секунду я подумал: хорошо, я не Дубровский, но разве я сам не могу совершить какой-нибудь благородный разбойничий подвиг? И у меня тут же созрел план: пойду на улицу, отыщу там какого-нибудь "Троекурова" примерно моего возраста и прочу его как следует.

После обеда я стал готовиться к своему опасному предприятию. Мне хотелось совершить свой подвиг инкогнито, ведь я представлял себе примерно такую картину: гнусного вида толстый мальчишка пристает к красавице девочке, может быть, отнимает у нее сумку с продуктами, может быть, срывает с нее берет... И тут появляется неизвестный в черной полумаске. Одним ударом он сокрушает негодяя, возвращает красавице похищенное и произносит всего три слова: "Вы свободны, идите". А потом все ребята во дворе только и говорят, что о незнакомце в маске, и никому даже в голову не приходит, что отважный незнакомец стоит тут же среди них, что это не кто иной, как с виду тихий и скромный Леша Тучков.

Я выпросил у папы черный конверт от фотобумаги, у мамы - кусок резинки для трусов и довольно быстро сделал полумаску. Затем встал вопрос о костюме. Мне бы хотелось вернуться в черный плащ, но его у меня, конечно, не было. Мои куртки, джемпер и штаны были знакомы всем ребятам квартала. Оставалось одно: школьная форма. Попробуй, узнай меня, если я буду в ней и в маске...

Мама ушла к соседям, а папа, я знал, не догадается спросить, зачем я надел школьную форму в воскресный день. Так оно и получилось.

Я вышел на улицу. В одном кармане у меня лежал пистолет, в другом коробочка с пистонами. Маску я аккуратно свернул и держал в руке, чтобы сразу надеть, когда понадобится.

Скоро я понял, как это трудно - найти подходящий случай для разбойничьего подвига, особенно для благородного. Дело было в середине мая, часов в пять вечера, да еще в воскресенье. Погода стояла совсем летняя, и все улочки и переулочки нашей окраины были полны народа. Люди постарше сидели на лавочках у дверей и ворот, а там, где лавочек не хватало, вынесли на тротуар стулья и табуретки. Парни и девушки прогуливались большими компаниями с гитарами и транзисторными приемниками, мальчишки гоняли футбольные мячи, девчонки прыгали через веревочку или играли в классы. На каждом шагу меня окликали знакомые ребята из школы. Затем я попал в район, где маленькие старые дома были сломаны и на их месте строились новые. Здесь по случаю воскресенья было, наоборот, слишком пусто: словно уснули, положив клыкастые головы на землю, экскаваторы, застыли за дощатыми заборами башенные краны. На недостроенных кирпичных стенах не было видно ни души.

Я ушел отсюда и очутился на очень тихой, совсем деревенской улочке с земляными тротуарами, отделенными от мостовой заросшими травой канавами. Дома здесь попрятались за кустами сирени, и вдоль тротуаров тянулись лишь заборы из штакетника. Людей почти не было: только две женщины маячили вдали.

И вдруг из калитки, метров за десять от меня, вышел какой-то мальчишка и пошел в том же направлении, что и я.

Стараясь шагать неслышно, я стал приглядываться к нему. В левой руке он держал белую булку, от которой временами откусывал, в правой бумажный китайский мячик на тоненькой резинке. Иногда он бросал мячик просто в воздух перед собой и тут же ловил, когда резинка оттягивала его назад; иногда ударял в столб для проводов... Но вот я увидел такую картину: по заостренным концам зеленых штакетов, балансируя словно в цирке, пробиралась рыжая кошка. Почти не целясь, мальчишка попал ей розовым мячиком в голову. Кошка коротко мякнула и свалилась по ту сторону забора, скребнув когтями по дереву.

"Вот он, Троекуров! - пронеслось у меня в голове. - Негодяй какой: животных мучает!" Сердце у меня заколотилось, я весь напрягся... Я колебался: надевать мне маску или подождать? Мальчишка пульнул мячиком в белого петуха, но тот увернулся. Сердце мое заколотилось еще сильнее, но отнюдь не из-за петуха. Похоже было, что все складывалось именно так, как я мечтал: навстречу нам шла девочка с алюминиевым бидоном. Красавицей она, правда, не была - круглолицая, круглоглазая и курчавая, как баран, но дело не в этом: я почему-то был уверен, что мальчишка и ее стукнет своим мячом. Вот тут-то я и совершу свой подвиг! Я торопливо надел маску и сжал кулаки. Мальчишка поравнялся с девчонкой и очень точно вlepил ей мячиком в лоб.

- Дурак ненормальный! - сказала девочка, а проходя мимо меня, добавила: - Нарядились и воображают!..

Как видно, она подумала, что мы с мальчишкой заодно. Ничего! Сейчас она поймет свою ошибку.

Неслышной рысцой я пустился догонять мальчишку. Но, приблизившись к нему метра на три, снова пошел шагом. Ростом он был только немного выше меня, но уж больно мне не понравилась его спина: широкая, с округлыми плечами, которые плотно облегал коричневый свитер.

Я остановился, продолжая смотреть на "Троекурова". И походка его мне не понравилась: он шагал вперевапочку, слегка согнув руки в локтях. Что я с таким буду делать?.. Он, наверное, как треснет!.. А у меня по части драк опыт был не очень богатый: последний раз я дрался во втором классе с некой Инкой Мозель из-за сломанной авторучки, которую мы одновременно нашли. Ручка так и осталась у Инки.

Я оглянулся на девочку. Та была уже далеко. Сняв маску, я свернул в переулочек и пошел искать более подходящего "Троекурова".

Переулочек привел меня к Семеновской роще. Это был как бы кусочек леса, окруженный городом. Тут росли старые березы и высокие, с прямыми стволами сосны, а за ними виднелись многоэтажные дома. Слева от меня деревья были реже, и под ними не было кустарника. Там прохаживались мамы с разноцветными колясочками и возилась всякая малышня. Зато правая часть леска густо поросла кустами, среди которых вились глухие тропинки. Здесь мне очень понравилось: для разбойника лучшего места и не найти. Я надел маску, вынул и зарядил пистолет и, прячась в кустах, стал поджидать свою жертву. Прохожих было мало,

и сначала попадались только взрослые, но я все равно не скучал. Метров сто, перебегая от куста к кусту, я следовал за пожилым гражданином в высокой соломенной шляпе, потом выстрелил и пустился удирать. Как гражданин реагировал на это, я не увидел, потому что летел от него со всех ног. То же самое я проделал с двумя гражданками. Тут уже я услышал, как они вскрикнули после выстрела и одна из них что-то сказала о "проклятых хулиганах".

Удирая от гражданок, я чуть не налетел на мальчишку примерно моего возраста. Я вовремя дернулся назад, и он прошел мимо, не заметив меня. Пробираясь за кустами, я стал следить за ним. Ростом он был с меня и довольно щуплый. Одет в куцый серенький пиджачок и синие тренировочные брюки. В руке он держал гибкий прут и со свистом хлестал им, сбивая желтые головки одуванчиков. Я подумал, что мне следует выскочить и сказать: "Ты чего природу портишь? Отдавай прут!" Но тут же меня взяло сомнение: а что, если он не захочет отдать прут? А что, если он этим прутом меня? Да еще с таким же свистом, как по одуванчикам!

Как видно, мальчишка услышал, что я за ним крадусь: он вдруг остановился, повернулся и стал всматриваться в кусты. Я присел. Мальчишка меня почему-то не увидел, зато уж я его разглядел. У него было узкое смуглое лицо. Темные глаза сидели очень близко к носу, и один из них еще косил. И вообще выражение у него было такое, что мне стало ясно: этого медом не корми, только дай кого-нибудь отлупить.

Мальчишка так и не заметил меня. Он двинулся дальше, продолжая нахлестывать прутом, и у меня отлегло от сердца. Но скоро я разозлился на себя: ведь так я подвига не совершу, если буду раздумывать, кто меня отлупит, а кто - нет. Небось Дубровский не раздумывал, он просто напал - и все! И я дал себе слово: больше не буду играть как маленький, пугая выстрелами взрослых. Дождусь еще одного "Троекурова" и без всяких колебаний нападу на него, чем бы мне это ни грозило.

Минут пять на тропинке никто не появлялся. Но вот где-то слева послышалось какое-то беспорядочное постукивание. Оно приближалось. Притаившись за кустом, я напряженно смотрел в ту сторону. Появился еще один "Троекуров". Он был розовощекий, с золотистыми волосиками, на которых криво сидела матросская бескозырка, в темно-синем матросском костюмчике. "Троекуров" без всякого разбора колотил палочками по игрушечному барабану. Никогда я не видел подобного барабана! Он был ярко-красный, с золотыми ободками по краям, и с нижнего края его свисало множество золотых кистей. Палочки тоже были не просто деревянные, а золотистые.

Вот "Троекуров" почти поравнялся со мной. Я посмотрел направо, потом налево. По тропинке вроде никто больше не шел. Немножко смутило меня, что этот "Троекуров" слишком уж маловат, наверно, в первом классе учится. Но раздумывать было некогда. Я выскочил и загородил ему дорогу:

- Стой!

Он замер и, не мигая, снизу вверх уставился голубыми глазами на мою маску. При этом он почему-то сжал губы и надул щеки. Я торопливо старался придумать, что мне с ним делать дальше. Я даже не знал, какие обвинения ему можно было предъявить, а ведь на тропинке вот-вот кто-нибудь мог показаться. Я выпятил посильнее нижнюю губу и показал рукой на узкий закоулочек среди кустов:

- Иди туда!

"Троекуров" не шелохнулся и смотрел по-прежнему не мигая. Он только перестал надувать щеки и, наоборот, до отказа втянул в рот обе губы. Я взял его за ворот матроски и потащил за собой. Он не сопротивлялся. В кустах он снова застыл передо мной. Он был уже не розовый, а бледный, рот его начал как-то кривиться, а большие ресницы - моргать. Бить его мне совсем не хотелось, и я решительно не знал, что - мне с ним делать. Лишь бы только не стоять перед ним дураком, я нацелил ему в нос дуло пистолета и сказал басом:

- Отдавай барабан!

И тут произошло такое, чего я никак не ожидал: "Троекуров" поспешно снял со своей шеи ремешок, сунул мне барабан в руки и бросился в кусты. Через несколько секунд я услышал, как он, захлебываясь, кричит:

- Ма-ама! Ой, ма-а-ама! Ма-а-ама!..

Я бросил барабан и пустился удирать в противоположную сторону. Я летел через кусты, не разбирая дороги (до сих пор удивляюсь, как глаза себе не выколол), маска порвалась и слетела с меня, пистолет я где-то уронил и не стал поднимать...

Только прилетев на свою улицу, я пошел шагом, то и дело оглядываясь, чувствуя, что у меня вот-вот разорвется сердце.

Так закончилась моя карьера благородного разбойника.

Мама вернулась домой раньше меня, и она, конечно, стала расспрашивать, зачем я надел школьную форму. Я уже не помню, что тогда ответил. Мама расспрашивала, что со мной случилось, почему я какой-то сам не свой. Я бурчал себе под нос, что со мной ничего не случилось.

Я слонялся из угла в угол и думал о своем "Троекурове". Чем больше я вспоминал его розовую физиономию, его большие голубые глаза, тем яснее мне становилось, что он даже не первоклашка, а самый настоящий дошколенок. И весь вечер я пребывал в каком-то грустном недоумении: как же это меня угораздило напасть на вот такого да еще грабить его?

Уже лежа в постели, я стал думать о великолепном барабане. Неужели он так и пропадет в кустах? А может быть, поблизости оказалась мама "Троекурова", и он привел ее туда, где я на него напал, и они нашли барабан? Ведь место там глухое, барабан едва ли кто-нибудь найдет, кроме самого "Троекурова". Я решил, что завтра же после школы отправлюсь в рощу и посмотрю: лежит в кустах барабан или не лежит. Если я не увижу там его, у меня станет легче на душе.

Но чтобы выполнить этот план, у меня на следующий день пороку не хватило. Я и в школу-то шел, озираясь по сторонам. Мне все казалось, что я вот-вот наскочу на своего ограбленного, а он окажется со взрослыми, и каким-нибудь образом узнает меня, и подымет крик, и меня заберут в милицию. Не пошел я в рощу и через три дня, и через пять, хотя все эти дни стоял у меня перед глазами красный барабан с золотыми кистями.

Лишь через неделю, когда с утра стал моросить мелкий дождик, я сообразил, что в рощу сходить можно, что там сегодня наверняка никто не гуляет. После уроков я первым выбежал из класса, накинул в раздевалке пластмассовый плащ с капюшоном, спрятал под него ранец и отправился к месту своего преступления.

Грустный это был для меня день. Семеновская роща оказалась совсем пустынной. Ни души не было видно под опустившими ветви березами, под высокими потемневшими соснами. Я пошел по тропинке направо, через кусты. Было трудно идти, потому что глинистая дорожка раскисла и ноги мои то и дело

разъезжались. Я прошел почти весь кустарник и понял, что не могу узнать то место, где я совершил свой разбойничий подвиг.

И все-таки я нашел барабан. Интересно, что я нашел его по звуку. Возвращаясь назад, я остановился на тропинке, чтобы еще раз оглядеться и поразмыслить, где же все это произошло. Дождик сыпал частый, но очень мелкий. Он негромко шипел, падая на кусты. И вдруг я услышал, что к этому шипению примешивается какой-то другой звук - неровное постукивание. Я сошел с тропинки влево, сделал три или четыре шага и увидел красный барабан. Он лежал под кустом чуть наклонившись. Дождик шел мелкий, но капли, стекавшие с листьев на кусте, были крупные. Они-то и барабанили по туго натянутой перепонке. Барабанили беспорядочно, как барабанил когда-то своими палочками "Троекуров", шагая по тропинке. Только гораздо тише.

Я постоял над барабаном и пошел крочь. Больше я в Семеновскую рощу в тот год не заходил.

И все же должен сказать, что эта история принесла мне некоторую пользу.

Когда ко мне приставал какой-нибудь оболтус на голову выше меня, я относился к этому, как говорится, философски. Наполучив от него подзатыльников, я отправлялся дальше, раздумывая дорогой: каким благородным героем этот верзила себя воображает?

1970 г.

Дорогие читатели!

Прочитайте рассказ, поделитесь своими впечатлениями.

Осмыслить текст помогут вам вопросы:

1. Чем увлекала Лёшу Тучкова повесть Пушкина "Дубровский"? С какого эпизода повесть захватила читателя, что он не мог от неё оторваться?
2. Как и кого он копировал? Какое отношение к происходящему имела книжная этажерка?
3. Какой благородный разбойничий подвиг он решил совершить? Как он представлял себе спасение красавицы?
4. Почему в качестве негодяя он выбрал Троекурова? Каким он представлял себе образ Троекурова? Кого на место Троекурова он подставлял в реальной жизни?
5. Как развёртывались события? Почему именно толстого мальчишку с мячиком Лёша выбрал в качестве Троекурова? Почему, подумав, он отказался от мысли "убивать" этого Троекурова? Какую черту характера он при этом продемонстрировал?
6. Как выдумаете, кто оказался более подходящим для роли Троекурова, с которым Лёша легко справился? Чем по-вашему, закончилась эта игра в благородного разбойника?

7. Справился ли Лёша с ролью Дубровского? Каких личных качеств ему для этого не хватило?